

П.О. Любопытный

**Каталог или библиотека
старовиерческой церкви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.О. Любопытный**
Каталог или библиотека староверческой церкви / П.О. Любопытный – М.:
Книга по Требованию, 2018. – 159 с.

ISBN 978-5-518-09203-7

ISBN 978-5-518-09203-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

къ поддержанію ея, — планы для упроченія въ ней внутреннаго порядка, пишетъ для этого особый уставъ, хлопочеть о выборѣ попечителей, даетъ наставленія главному попечителю купцу Пышневскому, и при открытіи часовни говоритъ «трогательное и витійствомъ украшенное слово». При губернаторѣ Безобразовѣ Малоохтенскую часовню постигло несчастье, — она была разорена: начинаются новыя хлопоты, — новыя воззванія къ Петербургскимъ единовѣрцамъ, и даже иногороднымъ, съ рѣзкими укоризнами за равнодушіе къ несчастью собратій, — новыя наставленія попечителямъ, въ которыхъ раскрывается главнымъ образомъ мысль объ особенной осторожности, или, какъ онъ выражается, «о вождедьной тайнѣ отъ владыкъ міра.»

Впрочемъ, такъ сильно заботясь объ интересахъ общества, принадлежавшаго къ Малоохтенской Поморской часовнѣ, Павелъ Ануфриевъ не переставалъ дѣйствовать и въ пользу всѣхъ вообще своихъ единовѣрцевъ петербургскихъ и иногородныхъ. Достоинно замѣчанія, напр. то, что онъ писалъ воззваніе къ петербургскому «пастырю Поморской церкви» Ѳед. Бабушкину объ учрежденіи училища при часовнѣ, вѣроятно, что на Моховой, какъ имѣвшей болѣе средствъ къ тому. Быть можетъ для этого училища и предположилъ онъ написать въ видѣ учебника, «краткую исторію старовѣрческихъ церквей, для изученія оной малолѣтнихъ дѣтей». Но преимущественно, дѣятельность его въ пользу Поморской секты выразилась въ горячемъ за-

щищеніи ученія ея, и еще болѣе горячихъ нападеніяхъ на всѣхъ противниковъ этого ученія, какъ въ обществѣ православномъ, такъ и въ обществахъ раскольническихъ, — и особенно противъ этихъ послѣднихъ, между которыми всего больше возбуждаютъ его негодование раскольники безпоповщинской секты, выдѣлившіеся изъ самаго Поморскаго согласія. Таковы были именно Федосѣевцы, еще при Андрѣе Денисовѣ ставшіе во враждебное отношеніе къ Поморской сектѣ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія и началѣ нынѣшняго, вражда эта особенно усилилась по новоду новаго разногласія въ ученіи о бракѣ. Извѣстно, что Федосѣевцы упорно настаиваютъ на незаконности браковъ, требуютъ жизни безбрачной; а Поморцы (по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ) сдѣлали уступку въ пользу брака: съ той и другой стороны началась полемика, — въ этой-то полемикѣ Павелъ Ануфриевъ и принималъ самое горячее участіе. Изъ многочисленныхъ полемическихкихъ сочиненій его, между которыми есть и направленные противъ православія, и противъ единовѣрческой церкви, и противъ Поповщинцевъ, самая большая часть написаны противъ Поморцевъ, и особенно противъ ихъ ученія о бракѣ, — «бракоборства», какъ онъ обыкновенно выражается. На бракоборцевъ онъ ополчается не только полемическими разсужденіями о бракѣ, но и «сатирами», «посквелями», — даже пишетъ «духомъ сатиры и критики исполненныя поэмы въ ямбическихкихъ стихахъ.»

Итакъ Павелъ Ануфріевъ служилъ обществу Поморцевъ, къ которому принадлежалъ, преимущественно своимъ перомъ. Онъ придавалъ, кажется, большое значеніе своимъ литературнымъ трудамъ и, какъ писателя, цѣнилъ себя очень высоко. Мало того, что онъ внесъ «въ каталогъ», не только всѣ написанныя имъ сочиненія, но и тѣ, которыя еще предполагилъ написать, называя ихъ притомъ прекрасными, занимательными, безпристрастными и т. п.; онъ написалъ даже нѣсколько сочиненій въ восхваленіе своихъ талантовъ, — какъ напр. «Образъ живыхъ и блестящихъ чертъ характера, существуемаго въ духѣ Павла Любопытнаго», — или: «Занимательная, живая, и въ блестящемъ видѣ изображенная картина со стихами славы писателя сего каталога или библіютики.» Но не всѣ цѣнили авторскіе таланты Любопытнаго такъ высоко, какъ онъ самъ цѣнилъ ихъ. Нѣкоторые изъ старообрядцевъ, принадлежавшіе къ черни, по выраженію Павла (ниже мы увидимъ кого онъ называетъ этимъ именемъ), видѣли въ его твореніяхъ много «жестокости и надмѣннѣя», — упрекали ихъ за неумѣренно рѣзкій тонъ, и, вѣроятно, слишкомъ высокое изложеніе, — изысканность выраженія. По этому поводу онъ писалъ сочиненіе въ свою защиту, гдѣ оправдывался свойствомъ предметовъ, о которыхъ пишетъ, и своею горячею ревностію по вѣрѣ. Однакоже, въ замѣчаніи тѣхъ, кого Павелъ называетъ чернію, есть весьма значительная доля правды. Любопытный принадлежитъ къ числу тѣхъ

раскольническихъ писателей, которые воспитались въ школѣ Денисовыхъ, — подѣ вліяніемъ ихъ сочиненій, пользующихся такимъ уваженіемъ у раскольниковъ. Получивъ отчасти школьное образованіе, познакомившись нѣсколько съ науками, Денисовы произвели, если можно такъ выразиться, переворотъ въ раскольнической литературѣ, — сообщили ей новый характеръ и новую форму. До нихъ, въ раскольническихъ сочиненіяхъ господствовало безусловное уваженіе къ авторитету древности и строжайшій догматизмъ: слово, выраженіе старой книги служило неопровержимымъ свидѣтельствомъ истины, котораго не могли поколебать никакія доказательства защитниковъ Никоновскаго исправленія книгъ и обрядовъ; мнѣнія какого-нибудь Аввакума, или Лазаря, не смотря на явную ихъ нелѣпость, произносились съ полной рѣшительностію и имѣли значеніе приговора, недопускавшаго никакихъ возраженій; былъ готовый кругъ доказательствъ въ защиту главныхъ положеній раскола, — доказательства постоянно повторяемыхъ съ одинаковымъ убѣжденіемъ въ ихъ силѣ и дѣйствительности, хоть онѣ и были опровергнуты уже нѣсколько разъ. Достаточно прочесть однѣ раскольническія челобитныя XVII вѣка, чтобы увидѣть все это. Такому духу раскольническихъ сочиненій XVII в. соответствовала и самая ихъ форма: всѣ онѣ отличаются неизысканностію, простотою старинной русской рѣчи, которая порой доходитъ до грубаго цилизма, за то въ другихъ мѣстахъ носить

очевидные слѣды искренности и убѣжденія. Лучшимъ образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить автобіографія Аввакума, представляющая удивительную смѣсь разсказовъ грубыхъ до омерзѣнія съ такими, въ которыхъ видно и чувство и даже искреннее убѣжденіе, нѣсколько примирающія читателя съ этою въ высшей степени оригинальною личностію. Такимъ образомъ раскольническая литература въ XVII вѣкѣ имѣла свой особенный характеръ. Частію по требованію самыхъ обстоятельствъ времени, частію подъ вліяніемъ своего школьнаго образованія, Деисовы въ своихъ сочиненіяхъ должны были далеко отступить отъ этого характера. Потребности самаго раскольническаго общества, различные вопросы въ немъ возникавшіе, указывали нужду внести нѣкоторую свободу въ ученіе и учрежденія, — иное отвергнуть, иное принять вновь, не стѣсняясь слишкомъ авторитетомъ предковъ: такой характеръ носятъ ихъ административная и литературная дѣятельность собственно въ кругу ихъ общества. Съ другой стороны они видѣли неудобнымъ въ полемикѣ съ православными ограничиваться бездоказательнымъ повтореніемъ готовыхъ свидѣтельствъ. Правда, что въ сущности они немного нашли новыхъ доказательствъ въ защиту раскола; за то они ввели въ полемикѣ ту особенную, чисто раскольническую діалектику, блестящимъ образцомъ которой навсегда останутся «Поморскіе отвѣты», — это искусство одно и тоже доказательство представлять со множества сторонъ,

изъ одного и того же свидѣтельства извлекать въ нужныхъ случаяхъ доказательства *in pro* и *contra*, не стѣняясь противорѣчїями, въ какія приходится впадать при этомъ. Понятно, что и прежняя форма выраженїя была уже теперь неудобна: «довольно изучивъ грамматику, риторику и шїитику», Денисовы стали писать витіеватымъ языкомъ школы. Что касается Андрея Денисова, то онъ умѣлъ сдерживать въ предѣлахъ порывы краснорѣчїя,—языкъ его, не смотря на латинскую конструкцію, довольно ясенъ и всегда выражаетъ мысль такъ и на-столько, какъ и сколько хотѣлъ онъ выразить ее (доказательствомъ служатъ опять тѣ же знаменитые «Поморскїе отвѣты»). Но братъ его Семень уже витіевать до напыщенности, — у него являются некстати дотолъ неслыханные у раскольниковъ, Омиръ съ ироями, аеръ, ееатръ и т. п. Вліяніе Денисовыхъ было сильно, особенно въ обществѣ безпоповцевъ и именно Поморянъ; сочиненїя ихъ породили подражателей, которые, не имѣя ихъ талантовъ, естественно довели данное ими направленїе до уродливыхъ крайностей. Любопытный былъ именно изъ числа такихъ писателей. Горячо защищая законность браковъ вопреки ученїю родоначальниковъ безпоповщины, онъ проповѣдывалъ нужду «философїи», разумнаго сужденїя въ дѣлѣ вѣры, и возставалъ противъ тѣхъ, которые рабски слѣдовали авторитетамъ, — строго держась буквы ихъ писанїй: для такихъ людей онъ придумалъ особое названїе, — звалъ ихъ «бу-

квалистами», а иногда «литералистами»; — имъ же усвоилъ онъ и названіе «черни». Но главнымъ образомъ вліяніе Денисовыхъ отразилось на вѣдшей формѣ сочиненій Павла Ануфриева: требуя отъ писателя непремѣннаго знакомства съ «философіей» и даже «священными музами», онъ до крайности любитъ употребленіе новыхъ, большею частію иностранныхъ словъ, въ родъ: догматизма, буквализма, тиранизма, апостатства, и т. п., и нерѣдко доходитъ до такого нелѣпаго витійства, что среди безтолковыхъ фразъ трудно бываетъ уловить слѣды какой либо мысли. Нельзя оставить безъ вниманія и того, что его полемическія сочиненія отличаются крайне неумѣреннымъ тономъ, «жестокостію», какъ говорила «чернь». Но это, въ большей или меньшей степени, свойство всѣхъ раскольническихъ (а иногда и нераскольническихъ) полемическихъ сочиненій.

Однакожь, не смотря на все это, Павелъ Любопытный принадлежитъ къ числу довольно замѣчательныхъ раскольническихъ писателей. Почетное мѣсто между ними выдѣляетъ ему уже самое количество его сочиненій: онъ насчитываетъ ихъ болѣе 140. (Мы вносимъ въ это число и тѣ, которыя въ 1829 году онъ «поставилъ за непремѣнный долгъ написать»). Правда, въ этомъ числѣ немало мелкихъ и ничтожныхъ по содержанію, — надписи къ портретамъ, эпитафіи, анекдоты, сатирическія описанія разныхъ лицъ, «съ пылинки въ ямбахъ стихами» и т. п. Но читая каталогъ

его сочиненій нельзя не замѣтить, что большая часть ихъ вызвана была потребностями и обстоятельствами Поморскаго общества, которыя слѣдовательно онъ умѣлъ угадывать, что придаетъ уже особенное значеніе и самымъ сочиненіямъ. При скудости нашихъ свѣдѣній о расколѣ мы должны усвоить еще болѣе цѣны его историческимъ трудамъ, которые свидѣлствуютъ объ усердіи, съ какимъ собиралъ онъ извѣстія о прежнихъ и современныхъ ему событіяхъ въ обществѣ раскольниковъ: онъ собиралъ свѣдѣнія для старовѣрческаго патерика всѣхъ церквей, для обозрѣнія всѣхъ частныхъ раскольническихъ библіотекъ въ Москвѣ и Петербургѣ; предполагалъ составить сборникъ всѣхъ царскихъ указовъ противъ раскола и благопріятствующихъ расколу; сборникъ всѣхъ раскольническихъ соборовъ и соборныхъ посланій и т. п.; наконецъ онъ написалъ историческій словарь знаменитыхъ особъ старовѣрческой церкви и каталогъ раскольническихъ сочиненій, на который мы обращаемъ здѣсь вниманіе читателей.

Этому труду сочинитель предпосылаетъ витіеватое предисловіе, въ которомъ изъясняетъ причины, побудившія его «сочинить сію изящную библіотику». Онъ указываетъ два побужденія: 1) чтобы тѣмъ, которые говорятъ, будто, «старообрядцы сущіе невѣжи, о своей вѣрѣ и ея обрядахъ не имѣютъ никакого понятія, не знаютъ никакихъ наукъ словесности и чужды образованія ума и сердца», показать, что они говорятъ

неправду, — что у старообрядцевъ было «довольно просвѣщенныхъ мужей въ словесной письменности»; 2) чтобы самимъ «сочленамъ старовѣрческой церкви» указать этихъ просвѣщенныхъ мужей и какія творенія принадлежатъ каждому изъ нихъ: «ибо сочиненія писателей нашей церкви», прибавляетъ онъ, «находятся въ разныхъ мѣстахъ, ими многіе пользуются, и полагаютъ ихъ началомъ своего догматизма во многихъ мудрованій (?); по творца оныхъ отнюдь не вѣдаютъ, или опредѣляютъ ихъ какой-нибудь извѣстной имъ особѣ по нѣкоторымъ знакамъ или намекамъ». Обѣ цѣли, предположенныя авторомъ, вполне достигнуты имъ, — и именно въ отношеніи къ намъ.

И у насъ, во многихъ нашихъ библіотекахъ, находятся разные сборники раскольническихъ сочиненій, и наши писатели о расколѣ пользуются этими сочиненіями, но также не зная авторовъ большей части изъ нихъ, или опредѣляя ихъ по какимъ-нибудь знакамъ и намекамъ, а еще болѣе по собственнымъ соображеніямъ ¹⁾. Слѣдовательно каталогъ и насъ во многихъ случаяхъ избавляетъ отъ труда посредствомъ не всегда вѣрныхъ соображеній опредѣлять творца того, или другаго раскольническаго сочиненія.

¹⁾ Доказательство этого можно видѣть въ недавно изданной книгѣ: «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола», гдѣ по поводу начальныхъ буквъ имени и фамиліи самаго творца каталога (П. Л.), сочинитель дѣлаетъ разныя соображенія (ч. II, стр. 305—306), — и даже заподозрилъ подлинность одного несомнѣнно ему принадлежащаго сочиненія (стр. 332).

Достигаетъ составитель библіотеки и другой цѣли, показывая въ какихъ широкихъ размѣрахъ происходитъ литературная дѣятельность въ раскольниковомъ обществѣ, въ которомъ доселѣ еще нѣкоторые предполагаютъ совершеннѣйшій застой и неподвижность; ошибается онъ только въ одномъ, — что, показывая эту литературную дѣятельность, думаетъ убѣдить въ просвѣщеніи раскольниковъ; напротивъ то и придаетъ его каталогу особенную важность въ нашихъ глазахъ, что сообщая свѣдѣнія о трудахъ раскольниковскихъ писателей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ насъ съ печальнымъ характеромъ ихъ дѣятельности, и съ самою жизнію, которая невидимо для насъ совершается тамъ, въ самомъ темномъ уголкѣ темнаго царства. Считаю нужнымъ сказать объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Въ каталогъ Павла Ануфріева нѣтъ ни одного изъ раскольниковскихъ писателей XVII вѣка, равно какъ нѣтъ ни одного писателя поповщинской секты. Въ него вошли только писатели, жившіе съ начала XVIII столѣтія до времени составленія каталога, — и притомъ одни писатели — безпоповщинцы, преимущественно Поморскаго согласія. Этихъ писателей поминано въ каталогѣ 43; а число принадлежащихъ имъ сочиненій восходитъ до 650. Если къ этому числу присоединить всѣхъ раскольниковскихъ писателей XVII вѣка, также поповщинскихъ писателей позднѣйшаго времени и тѣхъ изъ писателей безпоповщинцевъ,